

УДК 93/94

**ДИПЛОМАТ В. Л. КОПП В СТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ
И ПОЛИТИКЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В РСФСР (1919 – 1921 ГГ.)**
В. Л. Черноперов

**THE ROLE OF THE DIPLOMAT V. L. KOPP IN THE FORMATION OF THE SOVIET-GERMAN
SCIENTIFIC TIGHTS AND THE POLICY OF LABOUR MIGRATION FROM WEIMAR REPUBLIC
TO THE RSFSR (1919 – 1921)**
V. L. Chernoperov

Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX – начала XXI вв.: виртуальность и реальность».

Статья подготовлена преимущественно на документах из Архива внешней политики РФ, Российского архива социально-политической истории и Российского архива экономики. Значительная часть источников вводится в научный оборот впервые. В публикации доказывается большая, а подчас определяющая роль одного из первых большевистских дипломатов («полулегального полпреда» РСФСР в Веймарской республике) Виктора Леонтьевича Коппа в становлении многосторонних советско-германских научных связей в 1919 – 1921 гг. В частности, обращено внимание на его участие в создании нормальных условий работы для специалистов из России, въехавших в Германию, отмечена деятельность этого дипломата в реализации заказов Москвы на новейшую зарубежную общеобразовательную и специальную литературу, подчеркнута вовлеченность В. Л. Коппа в открытие Берлинского Бюро иностранной науки и техники, которое для российских ученых в условиях международной изоляции большевистского режима стало прорывным в деле возобновления регулярных контактов с иностранными коллегами. Кроме того, в представленной статье с опорой на архивные источники впервые в историографии показана роль В. Коппа в осуществлении проекта кремлевских вождей по организации массовой миграции рабочих и инженеров из Веймарской Германии в РСФСР. При этом особое внимание обращено на неудачи и даже скандалы, возникшие при реализации этого проекта в начале 1920-х гг.

The paper is based on the documents stored in the Archive of the Russian Foreign Policy, the Russian Archive of Social and Political History and the Russian Archive of Economy. A considerable part of the documents is published and introduced into scientific use for the first time. We prove the defining role of one of the first Bolshevik diplomats V. L. Kopp (the partly empowered RSFSR representative in the Weimar Republic) in the formation of many-sided Soviet-German scientific ties in 1919 – 1921. Special attention is paid to his participation in establishing good working conditions for the specialists from Russia; the author also notes the activities of this diplomat devoted to the realization of orders for new general and special literature from abroad received from Moscow. The paper emphasizes Kopp's involvement into the establishment of Berlin Bureau for foreign science and technology, which was significant for the Russian scientists to renew the regular contacts with foreign colleagues under the conditions of global isolation. It is for the first time in historiography that the paper, basing on the archive sources, marks the role of V. Kopp in the implementation of Kremlin's project of organizing mass migration of workers and engineers from Weimar Germany to the RSFSR. But for all that the author pays special attention to failures and even scandals that occurred during the realization of this plan.

Ключевые слова: В. Л. Копп, Советская Россия, Веймарская республика, советско-германские научные связи, трудовая эмиграция.

Keywords: V. L. Kopp, Soviet Russia, Weimar Republic, Soviet-German scientific ties, labour migration.

Имя одного из первых дипломатов советского государства Виктора Леонтьевича Коппа и его роли в становлении отношений Советской России и Веймарской Германии уже достаточно хорошо известно читателю, интересующегося историей российско-немецких связей (см., напр.: [24; 27]). Вместе с тем еще остаются сюжеты, связанные с его многогранной работой на немецкой земле, которые не стали предметом всестороннего анализа. Среди таковых – участие дипломата в становлении многомерных научных связей большевистской России и Веймарской республики и организации массовой трудовой миграции немцев в РСФСР. Данным вопросам и посвящено предлагаемое сообщение. Источниковую базу работы составили

материалы архивов, пресса и опубликованные сборники документов.

Для В. Л. Коппа, который с 1919 г. утвердился в Берлине «полулегальным полпредом», участие в советско-германских научных связях начиналось с получения виз для ученых и инженеров из РСФСР, выезжавших в Веймарскую республику. Решение этого вопроса было не простым. Немцы крайне неохотно выдавали визы гражданам из большевистской России. И дело здесь было не только в боязни официального Берлина, что таким образом в страну проникнут коммунистические агитаторы. Отчасти действия немцев были реакцией на визовую политику в отношении германских специалистов самой Советской России. Копп, настаивая на изменении сложившегося поло-

жения, осенью 1920 г. писал московским руководителям: «...Мы до сих пор из немцев никого в Россию не пустили, на всякие просьбы я отвечаю вежливыми, но категорическими отказами. Сами же мы прем в Германию в довольно изрядном количестве. Диспропорция получается довольно чувствительная» [11, л. 37 – 37 об.].

Параллельно с проблемой изменения визовой политики Копп не раз поднимал вопросы кадрового состава командированных из РСФСР и просил Москву предельно строго подходить к количественному и персональному составу лиц, направляемых в Веймарскую республику. Свою позицию он объяснял, прежде всего, тем, что командированные отягощали кассу возглавляемой им миссии «громкими расходами» и обостряли «проблемы жилья» [11, л. 37, 37 об.], что было крайне чувствительно при нерегулярном снабжении Коппа финансовыми средствами [12, л. 13 – 14 об.].

Еще одной причиной было недоверие В. Коппа к части командированных. 17 сентября 1920 г. он писал заместителю наркома внешней торговли РСФСР А. М. Лежаве: «Замеченное мною в Москве стремление спецов за границу на жирные командировки никоим образом нельзя поддерживать. Все это большей частью прохвосты, а если немецко-подданные то прохвосты вдвойне» [12, л. 3]. Жесткие слова Коппа – это результат его наблюдений за поведением в Германии некоторых специалистов, командированных из РСФСР. Часть из них, оказавшись в Веймарской республике, начинала дублировать работу самого Коппа или его подчиненных, а некоторые – вместо исполнения поручений отправлялись на лечение или выступали с антисоветскими заявлениями [12, л. 3 об.].

После получения германских виз Копп решал вопросы материального обеспечения, а часто и размещения приезжавших из РСФСР ученых и специалистов.

В 1919 – 1921 гг. при отсутствии официальных дипломатических отношений между Советской Россией и Веймарской республикой большевики не могли иметь в немецких банках счетов, открытых на РСФСР, поэтому оперировали через личный депозит Коппа. При командировке того или иного специалиста этот дипломат получал задание по обеспечению приезжающего определенной суммой денег. Например, для крупнейшего российского ученого в области электротехники, члена Научно-технического отдела (НТО) Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР А. А. Эйхенвальда Копп должен был выделить кредит в 20 тыс. зол. руб. [16, л. 280]. Для другого члена НТО профессора Н. М. Федоровского – в 200 тыс. германских марок [16, л. 270]. Однако В. Копп обычно не ограничивался только сужением денег, но и сам активно участвовал в закупках товаров для советских ученых. Например, в августе в 1920 г. помогал в приобретении научной литературы и приборов для профессора Аркадьева [16, л. 309], в октябре – для исследователя В. М. Свердлова [14, л. 185]. Тогда же он вместе с Н. М. Федоровским ходатайствовал перед руководством наркоматов по иностранным делам и внешней торговли о выделении 1 млн марок на приобретение инструментов и аппаратуры для нужд НТО ВСНХ [17, л. 10].

Виктор Копп еще до революции показал себя человеком, обладающим инженерным мышлением и навыками изобретателя, слыл среди сослуживцев по Наркоминделу европейски образованным человеком [7, с. 146]. В 1920-е гг. эти таланты позволили Коппу принимать участие в выполнении научных программ командированных в Германию советских ученых. Например, упоминаемому выше А. Эйхенвальду он помогал в «ознакомлении с новейшими усовершенствованиями и положением научно-технического образования» [16, л. 280].

Копп находился также в контакте с основателем и президентом Государственного рентгенологического и радиологического Института в Петрограде профессором М. И. Неметовым. Этот ученый в личном письме дипломату от 9 октября 1920 г. сообщил об организации лечения волчаночных больных в Вуссене и о снабжении немецких инвалидов войны механическими протезами профессора Зауэрбруха. Профессор М. И. Неметов, рассматривая Коппа представителем высшего эшелона советской власти и стремясь заручиться его поддержкой в осуществлении своих планов, писал относительно применения протезов Зауэрбруха: «Результаты эти <...> настолько ушли вперед от того, что мы в настоящее время знаем в России, что на этот вопрос следовало бы обратить самое серьезное внимание, так как, применяя эти методы, можно людей, потерявших верхние конечности, сделать в значительной степени работоспособными» [15, л. 97 об.]. В письме Коппу М. Неметов сообщил также, что посетил конгресс естествоиспытателей в Наугейме, где на встречах с немецкими и швейцарскими учеными «сумел в значительной мере поколебать» их антисоветские представления. Кроме того, профессор особо подчеркнул тот факт, что все встреченные им коллеги «горячо приветствовали возобновление научных и экономических отношений с Советской Россией» [15, л. 97]. Информацию ученого-рентгенолога Виктор Копп оперативно переправил в Москву.

Письмом Коппу значение миссии Неметова не исчерпывалось. Этот профессор закупил для Советской России на целый железнодорожный состав научной литературы и аппаратуры [21, с. 34]. Вряд ли стоит повторяться, что эта операция была бы невозможна без участия В. Коппа. Кроме того, Неметов по возвращении в Россию выступил с серией статей, в которых пропагандировал достижения немецкой научной и университетской жизни [8; 9]. Именно во время этой поездки у советского ученого и его германских коллег возникла идея о создании русско-немецкого общества «для возобновления научных и культурных сношений» [9, с. 41 – 43]. Вскоре эти планы получили практическое воплощение. Прежде всего, в открытии в Берлине Бюро иностранной науки и техники (БИНТ).

Значение для советской науки открытия БИНТ переоценить сложно. Бюро стало для ученых из РСФСР подлинным окном в большую науку. Ведь к концу Гражданской войны, как вспоминали современники-физики, в научном мире России сложилась воистину трагическая ситуация: «Трудно описать наступившее тогда ощущение умственного голода и ту высокую расценку всякой, даже плохой, информации о заграничных научных делах. Эта крайняя степень

оторванности заметно уже сопровождалась в некоторых случаях ослабленной квалификацией наших ученых работ и даже признаками провинциализма в научном мышлении» [цит. по: 25, с. 422].

В связи с открытием берлинского БИНТ отметим, что, по-видимому, первоначально у Москвы планов создания этой структуры не было, хотя попытки наладить регулярный советско-германский научный обмен имели место уже в начале 1920 г. Весной этого года большевики попытались включить в выезжавшую за границу делегацию во главе с наркомом внешней торговли РСФСР Л. Б. Красиным упоминавшегося выше председателя коллегии НТО ВСНХ профессора Н. М. Федоровского. Однако тогда эта попытка успеха не имела [25, с. 422]. Федоровский появился в Германии позже. Причем его приезд оказался неразрывно связан с малоизученным проектом массовой трудовой эмиграции немцев в Советскую Россию.

Первым идеей массового переезда немецких специалистов (рабочих, техников, инженеров) в РСФСР проникся известный революционер К. Б. Радек. На эту мысль его навели встречи с ведущими немецкими предпринимателями и организаторами производства В. Ротенау и Ф. Дейчем. Причем часть бесед большевика с немецкими капитанами индустрии прошла в «знаменитом салоне Радека» в Моабитской тюрьме, куда К. Радек попал после провала Спартаковского восстания в январе 1919 г. На некоторых встречах присутствовал и В. Копп. По возвращению в Москву Радек поделился идеями трудовой эмиграции с большевистской элитой и озвучил их в ряде публицистических работ. Весной 1920 г. радековские соображения нашли поддержку у председателя Совета народных комиссаров РСФСР В. И. Ленина и руководителя ВСНХ РСФСР Н. А. Милютин [13, л. 3]. К такому решению большевистских лидеров отчасти подтолкнули многочисленные просьбы германских рабочих и техников о переезде в Советскую Россию [13, л. 7]. В итоге появилось Положение о порядке предоставления переселенцам работы на предприятиях РСФСР [13, л. 6 – 6 об.], которое не подлежало опубликованию. 11 мая 1920 г. Совнарком РСФСР признал «в принципе необходимым привлечение немецких промышленных и сельскохозяйственных рабочих в Советскую Россию» [13, л. 9].

По вопросу трудовой миграции Москва направила в Веймарскую республику специальное радиообращение. В нем Н. А. Милютин откровенно говорил, что «тяжелые экономические условия делают необходимым тщательное предварительное выяснение... условий, так как переселяющиеся в Советскую Россию будут получать все то, что получают и русские рабочие, но не больше» [13, л. 7]. Это положение подтвердил и В. И. Ленин. «Заграничные рабочие, – писал вождь большевиков, – должны знать правду, что они идут на лишения, переселяясь к нам» [13, л. 7]. Далее председатель СНК РСФСР потребовал брать с желающих переехать в большевистскую Россию расписки в том, что они ознакомились с предостережением Милютин и его собственной запиской.

Иммиграционную комиссию решением Политбюро ЦК РКП(б) было поручено возглавить упоминавшемуся профессору Н. М. Федоровскому. Однако и на это раз этот ученый выехать в Германию не смог.

Хотя Н. Федоровский до Германии в начале 1920 г. не добрался, сама операция по переселению немцев в советскую страну началась. Для осуществления проекта был образован союз «Интерессе Гезельшафт». Именно его члены получали возможность выехать в большевистскую Россию. Параллельно была развернута массированная пропагандистская компания. В Веймарской республике, переживавшей тяжелое послевоенное время, усугубленное репарационными выплатами Антанте, эмиграционный проект вызвал у населения большой интерес.

Следует отметить, что «полулегальный полпред» РСФСР в Берлине В. Копп с самого начала отнесся к инициативе К. Радека по переселению немецких специалистов крайне настороженно. Еще в мае 1920 г. он сообщал Москве об отрицательном отношении к планам эмиграции со стороны руководства Коммунистической партии Германии, которое стало воспринимать отъезд из страны политически активных специалистов как дезертирство [1, л. 5].

Но не только недовольство товарищей из КПГ беспокоило Коппа. Наблюдение за осуществлением эмиграционной программы привело дипломата к убеждению, что «переселяться собираются вовсе не лучшие элементы, а зараженные спекулянтщиной» [1, л. 5]. Недоверие вызвали у него и руководители данного предприятия. «Публика [эта], – писал В. Копп наркому по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерину, – хотя и честная, но фантастическая и не солидная. А главное: мы можем сыграть здесь на руку всяким жуликам и спекулянтам, которые начнут под нашим флагом отбирать у «переселенцев» последние гроши» [1, л. 13].

Копп, делясь своими оценками с руководством НКВД, просил во избежание конфликтов «вести дело в контакте» персонально с ним и с лидерами КПГ, и ни в коем случае не заключать при осуществлении эмиграции коммерческих контрактов [1, л. 5]. Кроме того, он настаивал на официальном заявлении Москвы по поводу распространившейся информации о том, что большевистское руководство якобы готово принять из Германии «до десяти тысяч человек с чадами и домочадцами». Сам Виктор Копп связывал распространение этих слухов с «бессовестной пропагандой» ведущейся, по-видимому, руководителями «Интерессе Гезельшафт» [1, л. 66].

Просьба Коппа об официальном заявлении Москвы была продиктована появлением следующей проблемы. На волне барабанной пропаганды в поддержку переселенческой политики в Веймарской Германии участились случаи, когда разagitированные немецкие рабочие без согласования всех необходимых вопросов с «Интерессе Гезельшафт» распродалы имущество и самостоятельно приезжали в портовый город Штеттин, откуда в Советскую Россию отправлялись пароходы с военнопленными Первой мировой войны. Здесь немецкие рабочие, техники и иные специалисты требовали посадки на суда, отплывавшие в РСФСР. Сложившаяся ситуация порождала много проблем.

Во-первых, немецкие граждане из-за спешки не получали необходимых выездных и въездных документов, что было чревато конфликтом между советской миссией, возглавляемой Коппом, и германским правительством [1, л. 67].

Во-вторых, большевики, в условиях незатухающей Гражданской войны маниакально искавшие шпионов среди всех въезжающих в их страну, стремились проводить максимально полную проверку всех иностранцев, посещавших Советскую Россию. Массовая же волна трудовых мигрантов могла подорвать усилия по выстраиванию неприступной системы проверки и дать сбой. В итоге вместе с тысячами трудовых переселенцев в РСФСР могли проникнуть враждебные элементы.

Третью проблему при осуществлении массовой миграции породил, говоря современным языком, «конфликт интересов» потенциальных трудовых мигрантов и жертв Первой мировой войны. Российские военнопленные и российские граждане, интернированные в Германии в годы войны, стали выражать опасения, что их места на кораблях, отправлявшихся в РСФСР, займут немцы. Дошло до того, что бывшие военнослужащие российской армии и гражданские лица, проживавшие в берлинском районе Обер Шене-вейде, узнав об отправке в Советскую Россию 20 июля 1920 г. примерно 150 немецких рабочих и техников, направили к В. Коппу делегацию. При личной встрече россияне с нескрываемой обидой указали дипломату на то, что большевики предпочли отправить в Россию не их, а германских рабочих. В завершении встречи они просили либо срочно отправить их домой, либо выдать денежное пособие [1, л. 92].

Выступления Коппа против организации переселенческой политики вызвали недовольство немецких руководителей «Интерессе Гезельшафт» [1, л. 66]. Однако в Москве к оценкам дипломата прислушались и начали действовать. Глава НКИД Г. Чичерин в письмах Коппу сообщал, что Наркоминдел относится к планам колонизации скептически [3, л. 3] и старается их ограничивать [22, с. 197]. Затем нарком, выполняя просьбу Коппа, напрямую обратился в МИД Веймарской республики со следующим предупреждением: все германские граждане, не получившие официальных документов в миссии РСФСР в Германии, при проникновении в Советскую Россию будут высылаются назад к немецкой границе [22, с. 209 – 210]. Фактически заявление наркома означало резкое ограничение (если не полное свертывание) программы переселения.

Не бездействовал и В. Копп. 14 августа 1920 г. он дал интервью популярной лево-социалистической газете «Фрейхейт», в котором предупредил: «Ни влиятельные круги в Москве, ни я лично не разделяем мнение, к сожалению очень распространенное в некоторых слоях немецкого рабочего класса, что будто бы Россия может немедленно принять большое количество рабочих. Для массовой эмиграции Россия в настоящий момент неподходящая страна. <...> Поэтому ведущаяся здесь в Германии пропаганда за массовую эмиграцию в Россию не имеет никакой фактической базы и должна находить самый резкий отпор» [22, с. 219 – 220].

Под влиянием совместных демаршей Коппа и НКИД вопросом трудовых мигрантов из Германии озаботился и большевистский ареопаг. Политбюро ЦК РКП(б), осознавая, что программа переселения пошла не так, как задумывалось, для изучения вопроса на месте решило направить в Веймарскую респуб-

лику делегацию во главе с Н. Федоровским [25, с. 423]. Вторым лицом стал Моросанов. Коппу вменялось в обязанность руководить работой приезжающих [16, л. 290]. Федоровский, в свою очередь, получил точный адрес советского представителя.

Советская делегация во главе с Федоровским, выехавшая в Веймарскую республику, получила официальное название «Русская техническая комиссия» (РТК). Германские власти первоначально препятствовали ее въезду в страну. Лишь со второй попытки, 10 августа 1920 г., члены РТК получили разрешение и 3 сентября отправились в Веймарскую республику [26, с. 47]. В декабре того же года из Ревеля на имя Г. В. Чичерина пришла телеграмма о том, что трудовая эмиграция из Германии вроде бы началась: в Москву выехала группа немецких рабочих в составе 150 мужчин, 35 женщин и 60 детей [13, л. 16]. Причем, как можно понять из источников, эта группа была не первая.

Однако декабрьское переселение 1920 г., по-видимому, стало последним. К этому времени в Москве осознали, что идея массовой трудовой эмиграции потерпела фиаско. Таким образом, Копп, изначально не доверявший проекту, оказался прав. Причем к концу 1920 г. ситуация на поле трудовой миграции обострилась настолько, что один из переселенцев (некий Клёгер), вернувшись из России домой, подал в суд на «Интерессе Гезельшафт», обвинив общество в преднамеренном обмане [2, л. 83 – 89]. Информация об этом скандале моментально стала темой обсуждения берлинской прессы. Причем статьи на эту тему, выдержанные в издевательски-антисоветском духе, сообщали о том, что большевики преднамеренно завлекли немецких специалистов в ловушку, обрекая их на гибель (см., напр.: [23]).

Копп, озабоченный развитием событий вокруг иска Клёгеля, в письме Чичерину от 22 декабря 1920 г. заявлял, что будет «держаться» своих прежних публичных заявлений о непричастности НКИД к программе переселения [2, л. 82]. Правда, у его позиции было слабое звено. Многим было известно, что в организации трудовой миграции непосредственное участие принимал дипкурьер Наркомата по иностранным делам Сливкин.

Разразившийся скандал вокруг миграционной политики самым негативным образом сказался на пребывании в Берлине РТК. МИД Германии официально уведомил советскую сторону об отказе в продлении срока пребывания на германской территории Федоровского и Моросанова. Ответом Коппа стала нота протеста от 4 января 1921 г. В ней дипломат охарактеризовал решение немецких властей «недоразумением». Далее он так пытался обосновать необходимость дальнейшего пребывания Федоровского и Моросанова в Германии: оставаясь в Веймарской республике, эти советские представители исправят ошибки, допущенные в переселенческой политике [22, с. 265].

В контексте отмеченных выше критических заявлений о планах по массовой трудовой миграции демарш Коппа в защиту РТК выглядит нелогично. Причину появления ноты протеста можно объяснить, пожалуй, лишь умением В. Коппа предугадывать желания кремлевских властей. И, действительно, 14 января 1921 г. НКИД потребовал от Виктора Коппа принять

меры для организации нормальной работы комиссии Федоровского. При этом нарком Чичерин возложил ответственность за неудачи в переселенческой политике на германские власти, которые якобы чинили этой программе «всевозможные затруднения и препятствия» [22, с. 266]. Копп, выполняя поручение московского начальства, обратился в германский МИД с просьбой о сохранении РТК Берлине, однако, в ответ немцы 17 января 1921 г. подтвердили решение об отказе Русской технической комиссии в продлении срока пребывания в их стране [22, с. 266 – 267].

Со временем напряжение вокруг проблемы трудовой миграции начало разряжаться. На страницах берлинской просоветской газеты «Новый мир» появилось развернутое интервью Н. Федоровского, в котором значительная доля вины за провал переселенческой политики возлагалась на участников самого движения, которые, якобы, проявили неорганизованность в проведении столь масштабного мероприятия. При этом сам Федоровский Берлин не покинул и стал выступать с разного рода инициативами по налаживанию научно-технических связей между РСФСР и Западной Европой, которые далеко не всегда находили понимание Коппа, и не только его. Например, осенью 1920 г. на предложение профессора организовать в Москве научно-техническую выставку, нарком внешней торговли Л. Б. Красин скептически заметил: «Не будет ли она (выставка – В. Ч.) напоминать бриллиантовую булавку в галстук нищему, лишенному сапог?» [18, л. 6.]. Однако предложение Федоровского нашло поддержку в НТО ВСНХ, и в ноябре 1920 г. Копп получил следующее указание заместителя главы НКВТ А. М. Лежавы: оказать содействие в покупке необходимых для выставки материалов и открыть на имя профессора кредит в 300 тыс. марок [17, л. 9].

Пока не удалось выяснить, как, и было ли вообще, выполнено Коппом это распоряжение. Вероятнее всего, он препятствовал его воплощению в жизнь. Косвенным подтверждением служат факты ухудшения отношений между Коппом и Федоровским и рост скептицизма в отношении проектов ученого у Красина. Так 30 декабря 1920 г. глава НКВТ писал неизвестному адресату: «В Берлине существует какое-то бюро Н. М. Федоровского. Н. М. Федоровский товарищ весьма почтенный и симпатичный, но с умонастроением ученого и, следовательно, в делах человек вероятно <...> недостаточно скептически относящийся к поползновениям окружающей среды дельцов и проходимцев всякого рода. На какие средства действует его бюро, с какими именно заданиями, какие полномочия имеет...[?] Ничего этого, по-видимому, никем не установлено, и бюро Федоровского существует, как кажется, на положении некоторой независимой федеративной республики. Моя попытка связать его с Коппом не удалась[,] и я получил от Федоровского письмо, из коего явствует, что он вообще не считает бюро Коппа учреждением достойным посещения. Быть может для этого имеется и серьезное основание[,] <...> но отнюдь не в смысле свободы самого Н. М. Федоровского от какого либо контакта и контроля со стороны НКВТ. Представьте себе, что Федоровский заключит несколько десятков или сотен договоров с разными специалистами не только с большими жалованиями в иностранной валюте, но и

может быть с значительными неустойками <...>. Спрашивается, какие суммы могут грозить нам потерей от таких договоров, кто контролирует эти договоры[,] и кто будет платить по ним деньги» [19, л. 43].

Провал переселенческой политики и неоднозначные инициативы Федоровского с точки зрения руководителей НКВТ делали его дальнейшее пребывание в Берлине проблематичным. Тогда-то ученый и предложил организовать на базе уже выстроенных структур РТК новую организацию – БИНТ. Серьезный шаг к этому он сделал еще в конце 1920 г., когда при участии Коппа начал печатать обзоры по развитию зарубежной науки и техники, а также налаживать связи с германскими учеными [4, л. 17]. Тогда же Н. Федоровский об этих достижениях уведомил В. Ленина. Однако полной уверенности в том, что БИНТ все-таки будет открыт, у Федоровского не было, о чем свидетельствует его письмо весной 1921 г. коллеге по НТО ВСНХ, профессору М. Я. Лапирову-Скобл [10, л. 2].

Федоровский волновался напрасно. Еще в феврале 1921 г. вопрос об НТО обсуждался в Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б), а 29 марта появилось постановление Совета народных комиссаров о создании при экономическом представительстве РСФСР в Германии Бюро иностранной науки и техники во главе с Н. М. Федоровским и А. А. Эйхенвальдом [21, с. 54; 25, с. 424 – 425]. Вскоре после создания БИНТ получило 500 тыс. зол. руб. [25, с. 425]. Эти деньги были потрачены не напрасно. За относительно короткий срок, 1922 – 1923 гг., БИНТ издало в Веймарской республике 15 монографий, наладило выпуск журналов «Наука и техника», «Организация труда в промышленном хозяйстве», «Химическая промышленность» и ряда справочников, установило связь с 77 учреждениями и отдельными гражданами в СССР, создало картотеку в 600 тыс. названий и собрало до 200 тыс. рефератов [21, с. 54]. Кроме того, через БИНТ и иные советские структуры на территории Германии в 1920-е гг. массово закупалась специальная и общеобразовательная литература для разных государственных учреждений [21, с. 82 – 83]. Копп участвовал в большинстве операций. Самостоятельно или по указанию московского руководства [16, л. 169 – 169 об.] приобретал издательские новинки для НКВТ [14, л. 172; 17, л. 4; 20, л. 8, 22], НКИД [6, л. 26], городского отдела здравоохранения Москвы [5, л. 23] и т. д.

Определяющую роль в отборе приобретаемой печатной научной продукции обычно играли командированные в Берлин специалисты или сам Копп. Единственная сфера, в которую Копп практически не входил, – были книги по электротехнике. Здесь решающее слово обычно оставалось за наркомом внешней торговли Красиным – признанным авторитетом в этой области [18, л. 7]. Именно им в список наиболее значимых для Советской России книг был внесен «Справочник для инженеров и техников» – знаменитый «Хюттэ». В итоге уже в 1921 г. книга была переведена на русский язык и вышла в трех томах 20 тысячным тиражом [21, с. 55].

Приведенный выше материал убедительно свидетельствует о большой, а подчас и определяющей роли «полулегального полпреда» Советской России в Берлине Виктора Коппа в становлении советско-германских научных связей и приоткрывает завесу

над весьма скандальной историей с массовой трудовой миграции из Веймарской республики в РСФСР в начале 1920-х гг.

Литература

1. Архив внешней политики Российской Федерации. Фонд. 04. Секретариат Г. В. Чичерина. Описание. 13. Германия. Папка. 73. Дело. 1037. Письма и доклады В. Л. Коппа в НКВД РСФСР. 1920 г.
2. Архив внешней политики Российской Федерации. Фонд. 04. Секретариат Г. В. Чичерина. Описание. 13. Германия. Папка. Дело 1038. Письма и доклады В. Л. Коппа в НКВД РСФСР. 1920 г.
3. Архив внешней политики Российской Федерации. Фонд 04. Секретариат Г. В. Чичерина. Описание. 13. Германия. Папка. 73. Дело 1039. Письма из НКВД РСФСР В. Л. Коппу. 1920 г.
4. Архив внешней политики Российской Федерации. Фонд. 04. Секретариат Г. В. Чичерина. Описание. 13. Германия. Папка. 73. Дело. 1045. Вопросы въезда и выезда. 1920 г.
5. Архив внешней политики Российской Федерации. Фонд 82. Реферантура по Германии. Описание 3. Папка 34. Дело. 12. Экономические взаимоотношения. 1) Переписка уполномоченного РСФСР в Германии тов. В. Л. Коппа с НКВД РСФСР о закупке в Германии различного товара, их цена, условия покупки и пр., о продаже табака за границу, о поездке германской торговой делегации в РСФСР и др. вопросы. 2) Запрос германского посла в Эстонии о ценных немецких бумагах, секвестрированных царским правительством во время войны. 18.02. – 30.12.1920 г.
6. Архив внешней политики Российской Федерации. Фонд 082. Реферантура по Германии (секретный фонд). Описание. 3. Папка 3. Дело 5. Германия. Материалы о хозяйственном положении Германии (здесь же договор В. Л. Коппа с Отто Маркевичем – интернированные красноармейцы в Германии). 1920 г.
7. Беседовский Г. З. На путях к термидору. М.: Современник, 1996.
8. Из впечатлений о Германии: Переложение доклада профессора [М. И.] Неметова, президента Рентгенологического института в Петрограде, прочитанного 26 сего месяца в «Доме печати» // Известия. 1921. 31 марта.
9. Неметов [М. И.]. Университетская жизнь и наука в Германии // Работник просвещения. 1921. № 4 – 5
10. Российский государственный архив социально-политической истории. Фонд 2. Ленин (наст. Ульянов) Владимир Ильич. Описание. 1. Дело 18127. Надпись Л. Б. Каменеву «К сведению» на препроводительной записке Ш. Манучарянц В. И. Ленину от 9 апреля 1921 г. с сообщением о посылке письма Н. М. Федоровского из Берлина. Не ранее 9.04.1921 г. Приложение: Копия письма Н. М. Федоровского М. Я. Лапирово-Скобло от 4 апреля 1921 г. о своей работе в Германии, с отзывом об издательской деятельности Гржебина.
11. Российский государственный архив социально-политической истории. Фонд. 5. Секретариат председателя Совета народных комиссаров РСФСР и Совета труда и обороны В. И. Ленина. Описание 1. Дело 2137. Письма и докладные записки полномочного представителя РСФСР в Германии В. Л. Коппа и Ю. Х. Лутовинова о советско-германских взаимоотношениях и по другим вопросам внешней политики, направленные В. И. Ленину. 11.06.1920 г. – 1.10.1921 г.
12. Российский государственный архив социально-политической истории. Фонд 5. Секретариат председателя Совета народных комиссаров РСФСР и Совета труда и обороны В. И. Ленина. Описание 1. Дело 2376. Письма полномочного представителя РСФСР в Германии В. Л. Коппа в Народный комиссариат внешней торговли по вопросам экономических и торговых взаимоотношений с Германией, направленные В. И. Ленину. 17.04.1920 г. – 20.12.1921 г.
13. Российский государственный архив экономики. Фонд 413. Народный комиссариат внешней торговли РСФСР/СССР (до апреля 1920 г. Народный комиссариат торговли и промышленности РСФСР). Описание 2. Дело 279. Постановление СНК РСФСР о привлечении немецких промышленных и сельскохозяйственных рабочих. Май – сентябрь 1920 г.
14. Российский государственный архив экономики. Фонд 413. Народный комиссариат внешней торговли РСФСР/СССР (до апреля 1920 г. Народный комиссариат торговли и промышленности РСФСР). Описание 2. Дело 320. Административное управление. Главная канцелярия. Переписка с Наркоминделом, с отделом Наркомвнешторга в Ревеле о закупках импортных товаров, о командировании сотрудников за границу. 1.09.1920. – 13.10.1920 г.
15. Российский государственный архив экономики. Фонд 413. Народный комиссариат внешней торговли РСФСР/СССР (до апреля 1920 г. Народный комиссариат торговли и промышленности РСФСР). Описание 2. Дело 325. Секретариат. Переписка с уполномоченными представителями Наркомвнешторга в Берлине о закупке локомотивов и других товаров. 30.01. – 29.12.1920 г.
16. Российский государственный архив экономики. Фонд 413. Народный комиссариат внешней торговли РСФСР/СССР (до апреля 1920 г. Народный комиссариат торговли и промышленности РСФСР). Описание 2. Дело 367. Переписка с управлениями и представительными учреждениями о товарообмене с заграницей, предоставлении кредитов, по личному составу и другим вопросам. 10.01.1920 г. – 31.12.1921 г.
17. Российский государственный архив экономики. Фонд 413. Народный комиссариат внешней торговли РСФСР/СССР (до апреля 1920 г. Народный комиссариат торговли и промышленности РСФСР). Описание 2. Дело 417. Отношение в НТО ВСНХ об утверждении заявки НТО на покупку научных книг и пособий. Июнь – декабрь 1920 г.
18. Российский государственный архив экономики. Фонд 413. Народный комиссариат внешней торговли РСФСР/СССР (до апреля 1920 г. Народный комиссариат торговли и промышленности РСФСР). Описание 2. Дело

552. Административное управление. Секретариат. Копии писем наркома внешней торговли представителю РСФСР в Германии об экспорте платиновой руды, о работе советских представительств за границей. 1921 г.

19. Российский государственный архив экономики. Фонд 413. Народный комиссариат внешней торговли РСФСР/СССР (до апреля 1920 г. Народный комиссариат торговли и промышленности РСФСР). Опись 2. Дело 1437. Секретариат. Переписка с представительством Наркомвнешторга в Германии об организации воздушного сообщения Кенигсберг – Москва, о посылке германских специалистов в Россию, о закупке медикаментов и химических продуктов и другим вопросам. 1.03. – 3.08.1921 г.

20. Российский государственный архив экономики. Фонд 413. Народный комиссариат внешней торговли РСФСР/СССР (до апреля 1920 г. Народный комиссариат торговли и промышленности РСФСР). Опись 3. Дело 406. Экспортное управление. Секретариат. Переписка с представителем РСФСР в Берлине по вопросу об экспорте хмеля, металлических отходов. 1.10. – 6.12.1920 г.

21. Советско-германские научные связи времени Веймарской республики. СПб.: Наука, 2001.

22. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сб. документов: В 2 т. М.: Политиздат, 1971. Т. 2. (1919 – 1922).

23. Х-анъ. Большевицкая ловушка // Руль. 1921. 20 (7) января.

24. Черноперов В. Л. Дипломатическая деятельность В. Л. Коппа в Германии в 1918 – 1921 гг. Иваново: ИвГУ, 2006.

25. Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада в 1917 – 1923 гг.: очерки истории становления экономических отношений. Л.: Наука, 1969.

26. Шишкин В. А. В. И. Ленин и внешнеэкономическая политика Советского государства (1917 – 1923 гг.). Л.: Лениздат, 1977.

27. Chernoperov V. L. Viktor Kopp und die Anfänge der sowjetisch-deutschen Beziehungen 1919 bis 1921 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2012. Vol. 60. № 4. S. 529 – 554.

Информация об авторе

Черноперов Василий Львович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета, lchernoperov@rambler.ru.

Vasiliy L. Chernoperov – Dr. of History, Head of the Department of World History and International Relations, Ivanovo State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.